

Иветта Лищенко

Доклад

I.

Не спалось. Весенний ветер стучался в окна. Горюнов встал с постели, бережно прикрыл одеялом плечи жены и вышел в сенцы. Пачка «Беломора» и спички, как обычно, лежали на месте. Мужчина потянулся к ним, но... какой-то непонятный звук нарушил его тишину. «Мыши, что ли, скребутся?» — подумал хозяин. Он включил фонарь, осмотрел сенцы и резко открыл входную дверь.

У порога сидел чёрный котёнок. Его белая грудка выделялась в темноте, а горчично-жёлтые глаза лампочками горели в ночи. Гость мявкнул. Его правая лапа с растопыренными коготками потянулась вперёд...

— Вот те и здрасьте! Чего надо-то? — Горюнов усмехнулся, немного подумал и добавил: — Жди!

Хлопнув входной дверью, мужчина поспешил на кухню. Открыв толстый кругляш колбасы, он снова вернулся на улицу. На крыльце было пусто. Горюнов просмотрел огород, заглянул за калитку, но так никого и не увидел. Котёнок исчез, как и появился.

Свежий воздух бодрил. Мужчина ещё немного постоял у распахнутой двери. Он сам не заметил, как съел колбасу. Вытерев ладони о куртку, хозяин вернулся в дом. «Беломор» и спички остались нетронутыми.

...Светало. Агроном совхоза «Красная смена» Иннокентий Петрович Горюнов заканчивал сборы в дорогу. «Сегодня какой-то необычный день», — подумал мужчина. Его ночной дробный сон никак не отразился на настроении. Оно было приподнятым. Жена Иннокентия Петровича, Софья Степановна, напротив — нервничала. Невзначай она разбила чайное блюдце от любимого сервиза и расстроилась. Горюнов только рассмеялся:

— К счастью!

Жена виновато засуетилась, собирая осколки, но вдруг что-то вспомнила и побежала в спальню: — Чуть не забыла...

Вернувшись, она приколотла булавку к обратной стороне пиджака, висевшего на стуле.

— Тьфу-тьфу-тьфу... На, Кеша! — Софья Степановна бережно передала мужу пиджак.

Иннокентий Петрович надел его и глянул на себя в зеркало:

— Теперь я точно в грязь лицом не ударю!

Софья Степановна улыбнулась и подошла ближе. Она нежно погладила мужа по плечам и по спине, как будто бы пыталась расправить ладонями невидимые складки на пиджаке. Иннокентий Петрович обнял и поцеловал жену. Она потихоньку отстранилась и оглядела его с головы до пят:

— Давай, Кеша! Докладывай и... возвращайся с победой!

Горюнов направился к выходу. Брякнула калитка. Иннокентий Петрович повернулся, поднял руку, чтобы помахать жене, глядевшей на него из окна... Внезапно внимание его привлекла входная дверь. На ней чётко вырисовывались грязные следы от кошачьих лап. Мужчина остановился. Он хотел ещё раз внимательно осмотреть округу.

Село просыпалось. Односельчане спешили на работу. Перекрикивая друг друга, горланили петухи. Кое-где слышалось мычание коров, требующих после долгой зимы выгула.

Внезапно раздался настойчивый автомобильный сигнал. Рубанув рукой воздух, агроном побежал к подъехавшей «Волге»:

— Утро доброе!

— Доброе! — отозвались из машины директор совхоза и шофёр.

Иннокентий Петрович открыл заднюю дверцу автомобиля. Сначала агроном постучал ботинками друг о друга, сбрасывая с них колкий снег, а потом залез в тёплый салон. Заурчав, «Волга» рванулась в сторону областного центра.

Постперестроечные сибирские дороги желали лучшего. То и дело машина подпрыгивала на ледяных колдобинах, елозила по снежному накату. Шофёр, как мог, маневрировал. На него добродушно ворчал директор, безуспешно пытавшийся задражать. Иннокентий Петрович не обращал внимания на попутчиков. Он задумчиво рассматривал бегущие навстречу домишки, перелески. Оставалось несколько часов до его выступления в областном конференц-зале.

К мартовскому сельскохозяйственному форуму агроном всегда готовился загодя. Цифры выводил, диаграммы рисовал. Сплетал всё умными фразами, чтобы точно — в яблочко! Жена старательно помогала ему. Именно она настояла

на приобретении элегантного мужского костюма с эффектом «металлик». Он вселял в Горюнова не только уверенность, но даже делал его гораздо стройнее и выше!

Зимними вечерами, когда Иннокентий Петрович нависал над бумагами, Софья Степановна садилась рядом и брала в руки спицы. Она представляла поближе корзину с шерстяными клубочками и с удовольствием погружалась в рукоделие. Между делом женщина невзначай поглядывала на мужа. Порой спицы замирали в её руках, и она настоятельно просила:

— Кеша, пересчитай ещё раз общий свод. Кажется, там ошибка...

В ответ Горюнов отодвигал бумаги и садился рядом с супругой, обнимал её. Они пускались в какие-нибудь воспоминания или мечты. Путешествие в прошлое всегда сопровождалось общим смехом, а в будущее — лёгкой задумчивостью на лице Иннокентия Петровича и хитрой улыбкой Софьи Степановны. Это занятие захватывало их всего-то на несколько минут. Оно придавало новые силы агроному и радости — его жене.

Как трудно выстраивались тезисы для доклада! В девяностые всеобщие разброд и шатание дамковым мечом обрушились на мелкие хозяйства. То комплектующих для техники не хватает, то с электричеством перебои, то зарплату рабочим задерживают... Крутись как хочешь! Главное — докладывай о новых победах и рекордах.

Однако «Красную смену» эти проблемы обошли стороной. Руководство оказалось достойное, да специалисты — дельные. Одним словом — выжили, как могли, и — выжили!

О зерновых Иннокентий Петрович мог говорить бесконечно. Будто не рассказывал он, а песню выводил... Всё у него получалось к месту. Родной совхоз всегда числился в передовиках. В соседние хозяйства Горюнов тоже наведывался с советом и с помощью. Уважали его земляки, говорили: «Правильный мужик наш Петрович».

Спускаясь со сцены под овации зала, раскрасневшийся агроном сразу направился к выходу. Хотелось на перекур. У микрофона обустроивался представитель главка. Всегда сдержанный директор совхоза «Красная смена» неожиданно выскочил со своего места и перегородил Горюнову путь. Цепко схватив его за рукав пиджака, руководитель потащил своего подчинённого обратно в зал, выпалив:

— Рекомендую послушать итоги!

На сцене высокопоставленный оратор нырнул с головой в большую чёрную папку. Медленно и монотонно поплыла его речь. Слушатели из глубинки почти наизусть знали эти выкладки! Они рассылались неоднократно в депешах и обсуждались десятки раз на собраниях. О том, как выйти стране из кризиса, было написано и сказано достаточно. Только победный марш ещё не

приближался. От мягкого тембра неумолимого оратора глаза Иннокентия Петровича предательски закрывались. Хоть спички вставляй! Директор, сидевший рядом, то и дело по-дружески толкал подчинённого в бок и, улыбаясь, грозил пальцем.

— ...Кандидатом на зарубежный форум в Испанию мы будем рекомендовать агронома совхоза «Красная смена» Горюнова Иннокентия Петровича.

Последняя фраза докладчика окончательно отогнала сон от вновь испечённого командированного. Продолжительные аплодисменты и довольное лицо директора выбили Иннокентия Петровича из проторённой колеи. Его глаза округлились. Как загнипнотизированный он озирался по сторонам, хлопал в ладоши. Всем своим видом спрашивал: «Это меня в Испанию?» Представитель главка поднял правую руку, требуя тишины:

— Сейчас большое внимание в мире уделяется проблемам мелиорации. Кому, как не Иннокентию Петровичу, лучше высказаться на эту тему? Ваши поля даже засушливым летом... во какие урожаи дают!

Докладчик, лощёный мужчина с тщательно скрываемой зальсыной на макушке, резко развёл руки в стороны, как будто хотел обнять весь конференц-зал. Затем представитель главка утверждающе мотнул головой. Прядь, прикрывающая зальсыну, упала на его правое ухо. Лихим движением руки оратор вернул её на прежнее место и закончил речь:

— Иннокентий Петрович поделится своим опытом по орошению наших земель с испанскими коллегами. Готовьтесь, Горюнов! Не подведите! Вы будете докладчиком не только от своей области, но и от всего российского народа!

Иннокентия Петровича новость не просто взбудоражила, она его ошеломила. Он чувствовал себя белым медведем в субтропиках. Испания... Как преподнести эту новость Соне? Жена у него такая сентиментальная и ранимая! Переживать начнёт, надумывать всякое...

В обратный путь двинулись молча. Солнце пробивалось сквозь стёкла машины и мешало сосредоточиться. «Волга» неспешно двигалась по рыхлому снегу. Горюнов прикрыл глаза. На него нахлынули воспоминания. Все жизненные вехи выстроились в невидимый строй.

В сорок шестом, точно через год после возвращения отца с войны, появился он, Кеша. Так назвала его мать. Отца Горюнов помнил плохо. Только по рассказам матери. Детская память хорошо сохранила железный обелиск с красной звездой и с пожелтевшей фронтальной фотографией. С неё смотрел молодой отец и растягивал меха гармони.

Как хотел Горюнов выучиться на гармониста! Только в сельском клубе набирали в фольклорный ансамбль. Мать записала туда, и Горюнов стал солистом. Однако в остальном он рос обычным

пацаном. Звёзд с неба не хватало, но отличался ответственностью и усидчивостью. Эти горюновские черты передавались поколениями от отца к сыну. Вспомнилось светящееся радостью лицо матери на школьном выпускном:

— Кеша, тебя совхоз отправляет в областной центр учиться на агронома! Старайся, сынок!

Горюнов старался. Учился — днём, вечером — работал. Жаль, что мать не дождала до того счастливого дня, когда Иннокентий Петрович получил диплом сельскохозяйственного института.

Вернулся к родным пенатам Горюнов с молодой женой, бывшей сокурсницей. Хорошая семья у него получилась. Детишки пошли друг за другом, по годки — сын и дочка. На работе — всё спорилось, и вдруг... Испания!

Горюнов сам не мог разобраться в своих чувствах. К реальности его вернула резкая остановка автомобиля. Иннокентий Петрович удивлённо открыл глаза. Они упёрлись в калитку родного дома. Директор повернулся к Горюнову:

— Ну, давай, Петрович! Видишь, какой сюрприз нам в главке приготовили. Помнишь, как эта списанная «Волга» досталась совхозу по бартеру? Как наш механик возился с ней? Всё же поставил на колёса, шельма. А теперь вот — Испания!

— Лучше бы мне экспериментальное поле под рапс выделили. Я бы его поставил... на ноги... Чему я буду учить испанцев?

— Не учить, а обмениваться опытом. С твоим рапсом разберёмся позже. Главное — готовь доклад! Сразу после уборочной поедешь.

Горюнов задумчиво вышел из автомобиля и остановился. Шофёр газанул, и машина свернула в проулок. За калиткой послышались быстрые шаги Софьи Степановны:

— Ну как?

— Да всё путём...

— А что же ты такой смурной? — немного отдышавшись и заглядывая супругу в глаза, спросила Софья Степановна.

— Понимаешь, Соня, тут дело такое вышло... В общем, отправляют меня в Испанию!

— За что?

— За доклад.

— Господи великий милосердный, помоги нам! — запричитала жена.

Внезапно с неба зачастили холодные капли. Весенний дождь обрушился наперекор метеосводке. Его ритм становился всё энергичней! Небо резко почернело. Раздался странный звук, напоминающий первый раскат грома.

— Только ещё этого не хватало! Крыша-то на амбаре не залатана... — спохватился агроном.

2.

Испанские страсти в семье Горюновых улеглись. Лето пришло с ветрами и с засухой. Аномальная

жара заставляла агронома проводить на работе дни и ночи.

— Соня, собери мне перекус. Не знаю, когда сегодня освобожусь.

Софья Степановна мужественно справлялась со всем сама: с огородом, с хозяйством, с домом... Хорошо, что дети из города на каникулы приехали. Они сняли часть забот с её плеч. Нередко сын и дочь заходили на работу к отцу.

— Пап, а давай съездим на озерцо, где мы загорали прошлым летом, там такой песочек классный!

— Нет, батя, лучше — на ночную рыбалку, как раньше! На ту клёвую речку, где ты меня рыбачить учил.

Отец внимательно выслушивал их, твердя одно:

— Помогайте матери. Освобожусь — съездим!

Дети уходили. Горюнов провожал их взглядом и думал: «Когда они успели вырасти?» Жена подарила сына под Новый год. Двадцать лет прошло, а Иннокентий Петрович до сих пор помнит маленький запелёнатый свёрток, который требовательно кричал и требовал пропитания. Первое агуканье, ползание за котом, приставные шаги у кровати... Только сын встал на ноги, а тут и новый подарок! Дочка была слабенькой, да и молока у супруги оказалось немного. Пришлось заводить козу, потом кур...

Дети — особая гордость семьи Горюновых. Сын помощником растёт, в сельскохозяйственном учится на агронома. Дочь выбрала специальность экономиста в техникуме. От этих дум становилось теплее на сердце. Иннокентий Петрович снова погружался в работу.

Ближе к середине июля пришли ливни с грозами. Софья Степановна успокоилась. Она старалась ещё больше окружить заботой и лаской своих домочадцев. На кухне появилась новая книга — «Кухня народов мира», а в меню хозяйки — необычные блюда. Возьмёт она да и приготовит что-нибудь эдакое: то — паэлью, а то — гаспачо. Накормит Софья Степановна испанским деликатесом семью, а потом — приговаривает:

— Привыкай, муж, тяжело в учении — легко в бою!

Быстро пролетело тёплое лето. Последние августовские утра начали серебрить землю инеем. Младшие Горюновы засобирались на учёбу.

— Батя, а ты хоть в этой Испании на корриду сходишь? — поинтересовался перед отъездом сын.

— Чего мне смотреть там? Что я, быков, что ли, не видел? У нас своих на совхозной ферме достаточно.

Сын только улыбнулся и пожал плечами:

— Привези тогда хотя бы брелок с тореадором!

Дочь заказала испанскую юбку:

— Пусть она будет такой... чтобы все девчонки в общежитии обзавидовались!

— Соня, а что тебе привезти, дорогая?

— Не знаю, Кеша, реши сам.

Уборочная закончилась за два дня до командировки. Дорожные сборы заполнили вечера Горюновых. Заранее Софья Степановна составила длинный список необходимого. Иннокентий Петрович отшучивался, но вещи паковал по регламенту, утверждённому женой.

— Соня, а кипятильник-то зачем?

— А если воду горячую отключат?.. Помнишь, как у нас в октябре котельную ремонтировали?

— А для чего кальсоны с начёсом? Там плюс тридцать!

— Обратно возвращаться будешь, вдруг морозы ударят?!

В день отъезда Софья Степановна суетливо вытирала краем фартука покрасневшие глаза и прятала лицо от мужа.

— Ты чего, Дульсиня? Не переживай. Справлюсь.

Иннокентий Петрович взял в руки чемодан и дипломат. Софья Степановна открыла мужу дверь и вышла за ним. Директорская машина пыхтела за калиткой. Агроном загрузил багаж, обнял и поцеловал жену. Ещё минуту они смотрели друг на друга, как будто взглядами пытались передать невысказанное...

Первой нарушила тишину Софья Степановна:

— Давай, Кеша! Докладывай и... возвращайся с победой!

Горюнов кивнул и сел в автомобиль. Открыв окно, Иннокентий Петрович помахал ладонью и крикнул:

— Всё будет хорошо-о-о!

Автомобиль помчался вперёд, а Горюнов продолжал смотреть назад. Софья Степановна сняла с головы белую косынку. Она колыхалась на ветру от взмахов руки, то вверх, то вниз. Иннокентию Петровичу показалось, что жена пишет в воздухе непонятные слова, точно хочет предупредить или предостеречь... К горлу Горюнова подступил комок. Агроном жадно смотрел на мельчающую фигурку жены, напоминавшую однокрылую птицу, пока она не исчезла за поворотом.

Когда Иннокентий Петрович в юности уезжал на учёбу, его точно так же провожала мать. Она всегда выходила за калитку. Софья Степановна была сдержанной женщиной и прощалась с мужем дома, без лишних глаз. Только сегодня она позволила себе большее.

Осенняя распутица замедляла ход «Волги». В областной центр она въехала в сумерки. Городские пробки на дорогах затрудняли движение. Едва успела машина припарковаться на привокзальной площади, как громкоговоритель объявил о прибытии скорого Владивосток — Москва. Горюнов засуетился. Он выпрыгнул из автомобиля и быстро схватил из багажника вещи:

— Не поминайте лихом!

— Удачи, Петрович! — отозвался шофёр. — Возвращайся!

«Как будто я могу не вернуться!» — подумал на ходу агроном. Подбегая к вагону, он услышал трубный звук локомотива. Не мешкая, Горюнов заскочил внутрь. Удивлённая проводница покачала головой:

— Разве можно так опаздывать? А ещё в столицу едете!

Поезд, скрипя и грохоча, двинулся на запад. Надсадно пели колёса. В душе Иннокентия Петровича продолжалась сумятица. Плацкарт не располагал к знакомству. Сосед сбоку уткнулся в газету. Парни наверху играли в карты.

— Дядя, давай с нами! Ставка — всего рупь!

— Я — спать! — отрезал Горюнов и принял горизонтальное положение.

Проснулся Иннокентий Петрович ночью. Поезд стоял. По вагону ходили милиционеры. Громко негодовала проводница:

— Надо же, все деньги из служебки вытащили и вышли раньше своей станции!

Горюнов правой рукой нащупал носовой платочек, приколотый булавкой к резинке трусов. Купоры, завёрнутые в него, приятно зашелестели от прикосновений. «Молодец, Соня!» — подумал Иннокентий Петрович и перевернулся на другой бок.

Наутро соседи поменялись. На небольшой остановке вошли трое помятых мужичков. Они отпивались пивом до вечера, а потом куда-то исчезли. Ночь была на редкость спокойной, но только рассвело — начали хождение «слепые», «хромые», «глухонемые»... Они настойчиво требовали купить у них без разницы что! Электронные устройства, шапки, перчатки, бельё и даже интимные средства индивидуальной защиты.

Измученный китайской лапшой, Иннокентий Петрович ждал своей первой встречи с Москвой. Он вспомнил, как после окончания школы первый раз приехал в областной центр. Как долго искал общежитие сельскохозяйственного института. Он обратился за помощью к проходившей мимо девушке. Она его довела до ближайшего угла улицы:

— Вот же оно! Я тоже поступила в сельскохозяйственный и буду здесь жить.

— Спасибо! А как тебя зовут?

— Соня!

Девушка повернулась и ушла, а Горюнов через несколько дней её нашёл, чтобы быть вместе всю жизнь.

Покинув опустевший вагон, командированный достал папироску. Он с любопытством провинциала начал изучать местность. Величие площади трёх вокзалов быстро сменилось грохотом метрополитена.

Сердце Горюнова отчаянно билось. Размеренный характер агронома не вписывался в динамичный ритм столицы. Паника обрушилась на Иннокентия Петровича. Ему захотелось скорее вернуться домой, к жене, к своим зерновым...

Собрав всю волю в кулак, Горюнов вошёл в высокие двери монументального здания главка. Вахтёр грубо остановил его:

— Куда? Паспорт! Командировочное!

Агроном сначала похлопал себя по карманам пиджака, потом почесал лоб... Щёлкнув замком дипломата, Иннокентий Петрович радостно улыбнулся. Документы были на месте!

— Пожалста...

Вахтёр внимательно посмотрел на Горюнова, сделал запись в амбарной книге:

— Командировочное проштампуеть в канцелярии на втором этаже.

— А сейчас мне куда?

— Туда же, в канцелярию! — повысил голос вахтёр.

Иннокентий Петрович повернулся к нему спиной и пошёл в указанном направлении.

Первый день промелькнул в бесконечных кабинетах и коридорах главка. Иннокентий Петрович делопроизводство не жаловал, но относился к нему с почитительностью. На следующий день Горюнов получил все документы. Агроном упаковал их в дипломат и решительно направился на финальное мероприятие — инструктаж.

Инструктор, мужчина в тёмном костюме, одетый с иголочки, внятно и подробно объяснил агроному, на что обращать и не обращать внимание, что говорить и о чём помалкивать. Горюнов кивал, но в конце задал вопрос, давно не дававший покоя:

— А как же я буду докладывать на русском? Испанского-то я не знаю...

— Не волнуйтесь Иннокентий Петрович! Сейчас мы вас познакомим с Еленой Михайловной, нашим штатным переводчиком. Елена, зайдите ко мне, — последние слова инструктор произнёс в телефонную трубку.

Пауза затянулась. У Горюнова отлегло от сердца: «Видимо, эта Елена — тёртый калач, всё в Испании знает, и с ней я не пропаду!»

В кабинет вошла девушка, напоминавшая по возрасту его дочь. Не веря происходящему, глаза Горюнова нервно заморгали. Взгляд его метался с переводчицы на инструктора, который невозмутимо произнёс:

— Елена Михайловна в этом году окончила институт иностранных языков. Это её первая поездка за рубеж. Попрошу помогать ей, Иннокентий Петрович!

3.

...Земля уходила из-под ног несчастного Горюнова. Его уносил самолёт в неизвестность.

Иннокентий Петрович тщательно осматривал салон со своего места, впившись ладонями в подлокотники.

— Что желаете? — раздался приятный женский голос.

Миловидная стюардесса катила тележку, сервированную различными горячительными напитками.

— Коньяк! — отрезал Горюнов.

Паническое состояние агронома сменилось умиротворением. Будущий докладчик не заметил, как погрузился в сон. Сначала Иннокентию Петровичу снилась жена. Она улыбалась и ласково гладила его по голове и по плечам. Повезло ему с Соней! Спокойная, рассудительная, культурная, но... не хватало в ней какой-то экспрессии! Может быть, страстности, а может, ещё чего-то, о чём Горюнов до этого момента не задумывался. Он попытался обнять жену, но она исчезла. В его объятиях оказалась черноволосая цыганка. Кармен! Она прильнула к Горюнову, а её руки начали выделывать такое, что Сониным рукам и не снилось! «Надо же, какая чувственная!» — восторженно воскликнул Иннокентий Петрович. Ему захотелось ещё крепче прижать её к себе.

Историю о Кармен рассказала Софья Степановна этим летом. Она ещё познакомила мужа с бессмертной музыкой Жоржа Бизе. Теперь звуки хабанеры настойчиво теребили уши Горюнова. Как вызывающе прекрасна была испанка! Выпорхнув из объятий агронома, фривольным танцем она продолжала завлекать и завлекать его в свои коварные сети. Иннокентий Петрович даже не сопротивлялся! Покорно он шёл и шёл за ней, как бычок на верёвочке. Испанская цыганка, словно укротительница, махала своей оборчатой красной юбкой, пока... не раздался приятный женский голос:

— ...Через несколько минут наш самолёт произведёт посадку в международном аэропорту Барселоны Эль-Прат.

Горюнов чуть не подпрыгнул. Это был его первый полёт на авиалайнере, а кроме непонятного сна... и вспомнить не о чём! Он взглянул в иллюминатор. Бескрайнее море простиралось внизу. Самолёт снижался. В голове агронома поплыл туман. Горюнову казалось, что вот-вот — и... он рухнет вместе с крылатой стальной громадиной в воду. Иннокентий Петрович посмотрел на сидевшую рядом переводчицу, которая прильнула к окну. Он спонтанно зажмурил глаза, но... ничего не происходило. За иллюминатором открылся песчаный пляж. Люди в купальных костюмах приветственно махали руками. Елена оторвалась от окна и обернулась к своему спутнику:

— Вы видели? Они машут нам!

Горюнов кивнул и тут же резко покачнулся. Шасси самолёта коснулись земной тверди.

Пассажиры зааплодировали. Агроном выдохнул и отрёшённо произнёс:

— Ну, здравствуй, Испания!

Елена удивлённо посмотрела на него:

— С вами всё в порядке?

— Да, конечно.

Иннокентий Петрович резко тёр руками лицо, как будто хотел окончательно проснуться...

Для прибывших из России к трапу самолёта подали автобус. Он доставил путешественников в просторный холл аэропорта. Все пассажиры выстроились в очередь для прохождения пограничного контроля. Горюнов сзади услышал незнакомую речь. «Немцы», — сразу догадался он. Их провели отдельно, без очередей. В рядах россиян закипело возмущение. Елена тихо сказала:

— Это европейцы. Для них другие правила.

Загорелая женщина с табличкой «И. П. Горюнов, Е. М. Лапина» поджидала Иннокентия Петровича и Елену. На ломаном русском она обратилась к командированным:

— Я — Алисия, ваш гид. Сейчас поедem в Валенсию. Это не скоро...

— Мы не торопимся, — заверил агроном, — но хотелось бы перекурить!

Они вышли на улицу. Горюнов отстал. Он жадно смотрел по сторонам. Погода его изумляла. Тёплый октябрьский ветер трепал волосы. Солнце шаловливо заглядывало в глаза. На душе у Иннокентия Петровича продолжала играть музыка Бизе. Алисия привела гостей к белому микроавтобусу:

— Располагайтесь.

Шофёр включил кондиционер, и автомобиль полетел по безупречным дорогам Каталонии. Сначала ехали вдоль побережья. Пляжи чередовались с немногочисленными жилыми постройками. По мере приближения к провинции Валенсия пейзаж изменился. Горы исчезли совсем, предоставив место плоскогорью. Обочины были обильно усеяны зелёной растительностью.

— Это оливковые поля? — не выдержал Горюнов, устремив взгляд направо.

— Да, а сейчас посмотрите налево, — предложила Алисия.

— Виноградники! Как у нас на юге, — воскликнула Елена.

Алисия комментировала проплывающие за окном картины. Её речь, состоявшая то из русских, то из испанских фраз, была малопонятна Иннокентию Петровичу. Он старался не слушать её, но с любопытством смотрел по сторонам. Елена, наоборот, общалась с гидом непринуждённо и даже изредка посмеивалась. Агроном с удивлением поглядывал на улыбающихся девушек. Он чувствовал себя потерянно и неуютно.

В город с одноимённым названием провинции въехали после полудня. Валенсия была величава и пустынна. Елена поинтересовалась:

— А где же люди?

— Сиеста! — пояснила Алисия.

Автомобиль остановился у небольшого здания старинной архитектуры. Гид открыла дверь:

— Вот ваш отель.

Арочный вход и пастельные тона стен здания были густо украшены цветущей растительностью. Отель напоминал громадный вазон.

— Да-а-а... — вырвалось у Иннокентия Петровича.

Стараниями Алисии и Елены оформление и заселение прошло молниеносно. Администратор выдала Горюнову карту, напоминавшую проездной в общественном транспорте областного центра. Иннокентий Петрович смотрел на неё с недоумением.

— Елена, попросите ключ у администратора. Как я буду открывать дверь?

— Пойдёмте, мы с Алисией вас проводим и всё покажем.

По дороге гид пыталась объяснить правила пользования картой, но всё безуспешно! Когда подошли к нужной двери, то Алисия забрала карту из рук Горюнова и чиркнула ей по считывателю.

— Ух ты! — вырвалось у Иннокентия Петровича.

Он вошёл внутрь просторных апартаментов. «Да, это не гостиница в областном центре!» — пришло на ум Горюнову. Был-то он в ней всего раз, но двухкомнатный номер люкс, который они делили вместе с директором совхоза, показался тогда «барскими хоромами».

С каждой секундой удивление усиливалось. Чувство «не в своей тарелке» постепенно прошло. Горюнов вышел с папироской на балкон и блаженно затаился.

После получасового изучения устройства душа агроном всё же добился его работы! Отдых перед ответственным днём был необходим. Иннокентий Петрович растянулся на широкой кровати, но... раздался стук в дверь. «Что за незванный гость?» — недовольно подумал Горюнов.

— Войдите! Открыто!

В дверях стояла Елена и сбивчиво пыталась ему объяснить:

— Было бы гораздо удобней завтра не делать синхронный перевод. Давайте поступим по-другому... Мне хватит одного вечера, чтобы перевести доклад на испанский... на всякий случай.

Иннокентий Петрович вытащил из дипломата папку, где скоросшиватель цепко держал листы завтрашней речи. «Пусть переводит, если делать нечего! Я-то наизусть всё помню», — подумал про себя Горюнов.

Когда дверь за Еленой захлопнулась, то сон подкрался и свалил будущего докладчика. Ему снова снилась Соня, миниатюрная, в домашнем халатике с распущенными льняными волосами.

На душе сразу стало тепло и спокойно. Сбивчиво жена объясняла ему: «Кеша! Я так... волнуешь... Завтра... доклад... возвращайся...»

Он плохо понимал её. Его взгляд остановился на Сониной груди, напомилавшей пару мячиков. Когда жена нервно дышала, они синхронно поднимались то вверх, то вниз. Как в замедленном кино, Софья Степановна начала уменьшаться в размерах и теряться в пространстве. Чёрная бездна поглотила её, а следом во тьму летел сам Иннокентий Петрович.

4.

Короткий дробный звук будильника заставил Горюнова открыть глаза. Пора! Серый костюм, белая рубашка, полосатый галстук ждали выхода. Одевшись и осмотрев себя со всех сторон, Иннокентий Петрович кинул зеркалу:

— Чертовски хорошо!

Он вышел за дверь и уверенной походкой зашагал по просторному холлу. Настроение было на высоте. Не сразу Иннокентий Петрович заметил Елену. В незабудковом костюме и в чёрных туфлях на высоких каблуках она показалась интересной незнакомкой. Горюнов даже залюбовался ею. В ответ она улыбнулась и передала листы с текстом:

— У меня всё получилось. Я готова!

Ободрённый словами спутницы агроном весело подмигнул ей. Он знал, что справится, ведь он — лицо своего государства. У него нет права на ошибку! Задрав голову выше обычного, Иннокентий Петрович широкими шагами направился на улицу. Следом выпорхнула Елена.

Солнце ударило в глаза. Горюнов одной рукой прикрыл лицо, а другой — расслабил узел на галстучке. Елена достала из сумочки очки с затемнёнными стёклами и замахала ими, как флажком на демонстрации. Навстречу спешила Алисия.

— Сельскохозяйственный форум будет проходить в новой части Валенсии. Только сначала... экскурсия! — она указала на белый микроавтобус. — Едем в старый город.

Автомобиль бесшумно завёлся и повёз гостей по гладким ухоженным дорогам. Алисия продолжала:

— Заложенный когда-то римлянами, старый город очень похож по архитектуре на своих собратьев. В центре его — площадь, окаймлённая улочками. Мы сейчас пройдемся по ней. Потом мы увидим Шёлковую биржу и Центральный рынок.

— А какие товары можно купить на рынке? — поинтересовался Горюнов.

— Свежие продукты. Это один из самых больших рынков в Европе! — округлив глаза, ответила Алисия.

— А в музей, который в здании Шёлковой биржи, мы успеем? — тихо спросила Елена.

— Не сегодня! — улыбнулась Алисия.

Час в старом городе пролетел незаметно. На улице нещадно пекло. Экскурсанты с готовностью откликнулись на предложение Алисии вернуться в прохладный микроавтобус. Когда он начал набирать скорость, гид продолжила:

— А теперь мы поедем в Город искусств и наук.

— Это далеко от Валенсии? — всполошился агроном.

— Эта новая часть города с современными архитектурными решениями, — рассмеялась гид.

Иннокентий Петрович успокоился и задремал. Алисия продолжала знакомить россиян с местными достопримечательностями. Речь экскурсовода лилась монотонно и убаюкивающе действовала на Горюнова. Он открыл глаза, когда услышал сакраментальное «приехали». Агроном потёр ладонями виски и вышел из микроавтобуса. За ним последовали девушки.

Внимание россиян привлекло здание, напоминавшее по форме полуприкрытый человеческий глаз. Алисия пояснила:

— Планетарий ещё не достроен, нам дальше.

Она повела своих подопечных к другому нестандартному архитектурному решению, около которого развевались яркие флаги. Агроном сразу заметил российский! Иннокентий Петрович первым вошёл внутрь этого необычного здания и сразу почувствовал приятную прохладу: «Кондиционеры... Нам бы в совхоз хотя бы парочку...» Просторный холл с высоким потолком и широкими лестницами выглядел вызывающе-помпезно.

— Нам наверх и направо, — руководила гид.

Испанский конференц-зал был намного больше областного. Постепенно он наполнялся разными людьми: президиум, пресса, слушатели, докладчики... Иннокентий Петрович и Елена заняли удобные места недалеко от витражных окон. Только российские делегаты отошли в сторонку, как к ним подошла женщина и заговорила на испанском... с Горюновым. Елена начала чётко переводить её слова:

— Добрый день...

Только Иннокентий Петрович ничего не слышал. Сознание его захватил образ удивительной незнакомки. Он в школе изучал географию, читал о других расах... но воочию никогда не видел темнокожих! Агроном смотрел на подошедшую женщину широко раскрытыми глазами. Если бы существовала негритянская Мадонна, то она выглядела именно так. Округлые шоколадные формы незнакомки обтянул трикотажный костюм лимонного цвета. Казалось, что глубокое декольте подчёркивалось высокой узкой талией. Опомнившись, Горюнов потупил взгляд и в замешательстве устался на паркет. Он не слышал слов Елены, а был поглощён своими мыслями.

Первое, что пришло на ум российскому семейнину с безупречной репутацией: «У неё грудь

на два размера больше, чем у Сони!» Женщина улыбнулась, показав свои ровные, ослепительно белые зубы. Она произнесла ещё несколько фраз и, не дождавшись ответа, отошла в сторону. Елена попыталась что-то сказать ей вдогонку. Агроном не проронил ни слова. Он продолжал стоять как вкопанный и всё смотрел вслед незнакомке немигающими глазами.

Очнулся Горюнов оттого, что переводчица тянула его за рукав пиджака:

— Конференция начинается.

Все заняли свои места. Форум, подобно часовому механизму, начал свой отсчёт. Выступающие на сцене меняли друг друга. Репортёры и пресса требовали слова. Каверзные вопросы летели в докладчиков... Иннокентий Петрович слушал краткие комментарии Елены и с интересом наблюдал за ходом событий. Наконец-то объявили доклад Горюнова!

Он вместе с переводчицей поднялся на сцену и подошёл к микрофону. Иннокентий Петрович обвёл взглядом зал... но вот проклятье! Лимонный косточек незнакомки резал глаза. Ну зачем она села в первый ряд и ещё улыбается?! Дар речи был напрочь потерян российским докладчиком!

Однако Елена, в данном случае — Елена Михайловна, оценив обстановку, уверенно начала доклад о посевной в сибирском совхозе... Зал затих! Нежный девичий голос звучал по-испански как-то особенно. Все внимательно слушали о работах по мелиорации в далёкой Сибири. Когда переводчица закончила, то даже у прессы не нашлось к ней вопросов.

Иннокентий Петрович всё это время вытирал лицо белым носовым платком. Пот катился градом. Сначала Горюнов набирал носом воздух, пытаясь вставить свои пять копеек в монолог Елены. Только всё безуспешно!

Тогда агроном легонько наклонил голову в поклоне, как делали предыдущие докладчики, и последовал за Еленой в зал. Громкие аплодисменты сопровождали их шествие.

5.

После конференции Иннокентий Петрович взял себя в руки. Предстоял ещё товарищеский ужин, фуршет. К этому времени агроном старательно вызубрил несколько приветственных испанских фраз. Их Елена написала русскими буквами на обратной стороне листов с докладом.

К вечеру жара спала. Горюнов немного успокоился, но у него в душе продолжалась сумятица. Всегда сдержанный Иннокентий Петрович поймал себя на том, что волнуется, как мальчишка. Его лицо горело на фоне белой рубахи. Даже «заговорённый» Соней костюм не придавал уверенности!

В назначенный час Алисия заехала за российской делегацией. Кафе оказалось недалеко от отеля. Гид предложила пройтись по вечерней улице. Она непринуждённо щебетала с Еленой. Иннокентий Петрович внутренне боролся сам с собой. Он старался скрыть своё настроение и в праздничный зал вошёл первым.

Сразу Горюнов начал глазами искать её, темнокожую незнакомку! Она пришла в белой струящейся длинной юбке и цветастой яркой тунике. Увидев россиян, женщина тут же направилась к ним. Её лёгкая походка сопровождалась чуть заметными покачиваниями бёдер. Незнакомка плыла мимо всех прямо к Иннокентию Петровичу:

— Hola!

— Хола! — ответил он ей с твёрдым русским акцентом.

Елена встала рядом с ними и принялась за свою работу. Незнакомку звали Глория! Сердце у Иннокентия Петровича прыгало от счастья. Они разговаривали на разные темы: о зерновых, о детях, о супругах. Общение с новой знакомой доставляло Горюнову удовольствие. Её мелодичный грудной голос волновал его. Бесспорно, он был тоже симпатичен ей.

— Вы живёте в Сибири? Как вы переносите холода?

— Так же, как вы жару!

— А медведи?... В Сибири много медведей?

— Столько же, сколько у вас.

Лена переводила. Глория улыбалась и продолжала общение. Она не отходила от Горюнова. По окончании мероприятия они много узнали друг о друге. Глория рассказала, что её отец — кубинец, а мать — испанка. Встретились они в Москве на фестивале молодёжи и студентов.

— Глория, вы не настоящая негритянка? — удивился Горюнов.

— Да, я мулатка! Моё детство прошло на Кубе, а когда не стало отца, мама решила вернуться в Испанию.

Вечер незаметно переходил в ночь. В праздничном зале осталось совсем немного народа. Обслуга суетилась у опустевших столов. Елена то дёргала Иннокентия Петровича за рукав, то глазами показывала на выход. Агроном будто бы не замечал этих намёков.

— Мне поручили вас проводить до отеля, пойдёте, — предложила Глория и направилась на улицу.

Южная ночь утопала в ярких огнях Валенсии. Командированные в сопровождении Глории дошли до своего отеля, как показалось Горюнову, слишком быстро.

Прощаясь, Иннокентий Петрович, сам не ожидая от себя, спросил:

.....

1 Испанское приветствие.

— Глория, а где можно купить подарки для своей семьи?

— Нет проблем! Я завтра буду весь день с вами и постараюсь помочь.

Утро следующего дня выдалось замечательным. Горюнов любовался оранжево-алым рассветом из окна отеля. Невидимый художник так искусно расписал небо! Казалось, будто с каждой минутой необычные оттенки то усиливались, то размывались, как картинки в калейдоскопе. На агронома нахлынули ностальгические мысли о просторах сибирских полей... Громкий телефонный звонок отвлек его. Иннокентий Петрович взял трубку.

— Hola, querido hombre!²

Это была Глория!

— Здравствуй, — медленно произнёс Горюнов и, спохватившись, добавил: — Хола!

Из трубки послышался грудной женский смех и неожиданное по-русски:

— Я жду внизу, я скучала...

Горюнов быстро собрался и бросился... к номеру переводчицы. Он забарабанил в её дверь. Ему нужна была срочная помощь! Иннокентий Петрович желал видеть Глорию и в то же время понимал, что это ни к чему. Из-за двери показалось заспанное лицо Елены:

— Что случилось?

— Она... Она приехала и ждёт внизу!

— Кто?

— Да Глория же! Надо ехать за подарками! — строчил, как пулемёт, Горюнов.

— Хорошо, через десять минут спущусь... — сонно ответила Елена и захлопнула дверь.

Идти вниз без переводчицы Иннокентий Петрович не решился. Он остался ждать её возле номера. Горюнов глянул в окно, которое выходило во внутренний дворик. Рабочие разгружали подъехавший грузовик. Садовник занимался стрижкой газона...

— Вот вы где! — Глория стремительно приближалась.

«Опять говорит по-русски! Откуда она его так хорошо знает?» — не мог найти ответ на этот вопрос агроном. Глория поймала его недоумённый взгляд:

— Мой отец учился в Москве, он меня научил вашему языку.

Она приблизилась вплотную к удивлённому Горюнову, развела руки в сторону и быстро обняла его. Беглый поцелуй в его правую щеку снова лишил дара речи россиянина.

Из номера вышла Елена. Глория изменила тактику и перешла на испанский:

— Здешний шопинг ничем не уступает столичному, а иногда оказывается даже выгоднее. К сожалению, осень — это не время знаменитых сезонных распродаж, но вы будете довольны!

Все двинулись к автомобилю Глории. Крас...

2 Здравствуй, дорогой! (исп.)

ный «леон»³ стоял в тени и ждал хозяйку. Она лихо завела его, и он рванулся вперёд. Горюнову показалось, что они — на взлётной полосе и вот-вот поднимутся в небо. Женщины улыбались и разговаривали о предстоящих покупках. Агроном не вмешивался в их диалог. С ним происходило что-то непонятное, и он решил просто плыть по течению.

Перемещаясь от одного магазина до другого, Иннокентий Петрович и Елена чувствовали что-то наподобие головокружения. Выданные командировочные таяли на глазах. Словам признательности от русских гостей не было предела. Глория ответно растягивала в улыбке пухлые губы, накрашенные красной помадой, а ниже... что-то пикантно колыхалось, подчёркивая витиеватую линию лимонного декольте.

К полудню все подарки были куплены. Елена не хотела с этим мириться и застряла в каком-то бутике:

— Я хочу посмотреть фасоны деловых костюмов... Вы меня подождёте?

Иннокентий Петрович кивнул.

— Мы — на фуд-корте, — крикнула переводчице Глория и повела Горюнова за собой.

Они снова остались вместе. Сели за столик для двоих и заказали свежавыжатый апельсиновый сок. Иннокентий Петрович молча смотрел на Глорию. Он силился и никак не мог найти тему для разговора.

— Оставайся! — тихо сказала Глория.

Она снова перешла на русский. Пристально посмотрела ему в глаза, вытянула свою руку и грациозно накрыла ладонью жилистую пятерню Горюнова.

— Оставайся со мной!

— Нет! — отрезал он, резко высвободил и убрал руку под стол.

К ним подошла радостная Елена. Увидев вытянутое лицо своего спутника и растерянную Глорию, девушка остановилась:

— У вас всё в порядке?

— Да, пора вас везти в отель, и от этого мне грустно, — ответила ей сопровождающая.

По лицу Горюнова Елена поняла, что перевод излишен. За остаток совместной дороги Иннокентий Петрович не проронил ни слова. Он кивал или мотал головой, но слова были все растеряны. Ещё немного... и с ним могло случиться что-то непоправимое. Он сделал всё правильно, как его учил московский инструктор. Только радости от этого не чувствовал. Его непреодолимо тянуло к Глории, но... Он пытался и не мог вычеркнуть её из своего сознания!

Последняя испанская ночь Горюнова рассыпалась мелкими звёздами на чёрном небосводе. Настроение агронома было таким же тёмным. Чемодан

3 Марка автомобиля в Испании.

и дипломат стояли у двери. Иннокентий Петрович присел «на дорожку». Выждав минуту, он резко встал и вышел из номера. Внутри него боролось разные чувства. Он пытался думать о далёком доме, об экспериментальном рапсе... Всеми силами Горюнов хватался за эти мысли как за соломинку, которая спасёт его от необдуманных поступков.

Ночная дорога из Валенсии в аэропорт казалась долгой и тяжёлой. Россиян сопровождала Алисия. Всегда разговорчивая и шутливая, она молчала. Огни неоновой рекламы, сияющие вдоль магистрали, не радовали. Елену укачивало на непривычно ровных автострадах. Горюнов то и дело с опасением поглядывал на беломраморное лицо спутницы. В какой-то момент, закрыв глаза, он спугнулся в короткий сон. В нём присутствовала только Глория. Вот какой бывает поздняя любовь, стремительная и неповторимая!

Автомобиль остановился у здания аэропорта. Агроном пожал руку шофёру и кивнул на прощанье гиду:

— Спасибо за всё!

— *Nasta luego!*⁴ — тихо произнесла Елена и медленно вышла за Горюновым.

Алисия поспешила за ними. Она догнала и по-дружески обняла Елену, а Иннокентию Петровичу помахала ладошкой:

— *Adios!*⁵

Как по нотам отыгрались регистрация на рейс и посадка в самолёт. Российская делегация заняла свои места в салоне. Приятный женский голос на нескольких языках попросил пристегнуть ремни. Иннокентий Петрович окончательно понял, что всё закончилось. Сердце напряжённо колотилось. Оно будто хотело выпрыгнуть из груди и остаться...

Самолёт набрал высоту. Агроном закрыл глаза. К нему пришёл дробный тревожный сон. В нём присутствовал только хаос, такой же, как на душе.

6.

Когда Горюнов открыл глаза, то за иллюминатором мерцали огни. Горело табло «Пристегните ремни». Самолёт снижался. Огни за окном увеличивались и приближались. Вскоре шасси коснулись земли. Салон всколыхнулся и зазвучал аплодисментами. Через несколько минут самолёт остановился. Буквы «Шереметьево» приветствовали командированных на родной земле.

Иллюминаторы покрылись мелкими каплями, но было видно, как к самолёту медленно двигался жёлтый автобус. Горюнов сидел в кресле и немигающими глазами смотрел в окно. Пассажиры с рейса мало-помалу заполняли подъехавший автобус...

— Пойдёмте, — оторвала от раздумий Иннокентия Петровича Елена, — все уже вышли.

.....
⁴ До свидания! (*исп.*)

⁵ Прощайте! (*исп.*)

— Да, — спохватился агроном. — Спасибо Елене... Елена Михайловна! За всё!

Выходя из здания аэропорта, он по-отечески попрощался со своей юной спутницей. Он знал, что больше никогда с ней не встретится, как, впрочем, и с Глорией. «Займись рапсом на экспериментальном поле. Что забивать голову всякой ерундой?» — утешал себя Иннокентий Петрович.

Обратную дорогу из Москвы он помнил плохо. В вагоне было зябко. Горюнова грели мысли о солнечной Испании. Он всё вспоминал и вспоминал... Соседи вызывали на разговор, но он отнекивался. «Что же я расскажу Соне?» — не давало покоя ему.

На третий день пути в вагонном стекле показались знакомые силуэты областного центра. Выйдя на перрон, агроном даже не вспомнил про папироску. Он с чувством блудного сына зашагал в сторону привокзальной площади. Там его ждала директорская бартерная «Волга». Шофёр сразу узнал Горюнова:

— Здравóво, Петрович! Ты как-то изменился за эту неделю. То ли загорел, то ли помолодел...

— Здравóво! Я и сам не пойму.

Ехали молча. Осенняя дорога брызгалась грязью. Автомобиль шёл нервно и тяжело. День не торопился вступать в свои права. Мало-помалу проглядывали робкие лучи скупого октябрьского солнца. Прошла пара часов, и невысокие постройки родного села начали маячить в лобовом стекле. Они подтягивались ближе и ближе... «Перво-наперво — отосплюсь, и надо выбросить из головы весь испанский вздор!» — снова заматались мысли в голове Горюнова.

«Волга» резко остановилась у его дома. Стукнула калитка. Софья Степановна выбежала навстречу мужу. Иннокентий Петрович поставил багаж на землю, притянул к себе жену:

— Соня! Я так соскучился...

Не только она, но и все односельчане с нетерпением ждали приезда агронома. Он стал первой ласточкой для больших дружеских отношений российского совхоза с зарубежными коллегами. Жители села, несмотря на раннее время, подходили и подходили к дому Горюновых. Иннокентию Петровичу казалось, что всё гудело от разговоров односельчан, будто он ещё не вышел из вагона... Горюнов подмигнул взволнованной жене:

— Однако! Снова придётся выступить с докладом!

Солнце поднималось над селом. Оно отдавало последнюю тёплую дань земле. Едва заметная рябь облаков не мешала лучам радовать округу. На душе у Иннокентия Петровича стало светлей и спокойней. Он достал папироску, посмотрел... и сломал её. Земляки затихли. Костюм Горюнова серебрился на солнце, а в затемнённых стёклах очков отражались блики.

— Челентано! — слышался чей-то крик из толпы.

— Челентано — итальянец, а наш Петрович — испанец! — донеслось с другой стороны.

— Петрович — русский, коренной сибиряк, и этим всё сказано! — раздался звучный голос директора совхоза.

Повисла тишина. Только был слышен щебет утренних птиц. Изредка доносились крики пехухов. Горюнов вдохнул воздух полной грудью и начал уверенно и дельно рассказ об испанской командировке. Он вычеркнул все пикантные обстоятельства и новые знакомства, застрявшие в его памяти... Когда Иннокентий Петрович закончил, то посыпались вопросы от земляков:

— Какая там была погода?

— Сильно ли капиталисты угнетают народ?

— А негров видел?

Всё интересовало односельчан! На идеологической почве даже развернулись непростые споры, готовые перейти в нечто большее, но агроном мужественно прекратил все прения:

— Там живут люди, такие же как мы, только говорят по-испански.

На этом неформальное собрание завершилось. Довольный Иннокентий Петрович взял в руки багаж и подошёл к жене:

— Дон Кихот вернулся к своей Дульсине! —

«Сегодня какой-то необычный и замечательный день!» — сказала сама себе Софья Степановна. Она была в приподнятом настроении. Пока муж отдыхал, она приготовила обед и начала разбирать испанские сувениры. Терракотовая оборчатая юбка — для дочери, сыну — кожаная вишнёвая сумка-планшет. Брелоки, магниты, кожаные ремни... Внимание привлёк яркий пакет, в котором жена агронома обнаружила свой подарок...

Софья Степановна стояла напротив зеркала и улыбалась. На неё смотрела красивая женщина в лимонном трикотажном костюме с глубоким декольте.

— Господи, как мне повезло с мужем! Как меня он любит!